

Глава III
СОБСТВЕННО ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ПРЕДПОСЫЛОК МЕТОДА НАУЧНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ К. МАРКСА

§ 1

ОБНАРУЖЕНИЕ К. МАРКСОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ
СФЕРЫ СУЩНОСТИ (ОБЩЕСТВА) И ВМЕСТЕ С ТЕМ
ОДНОВРЕМЕННОЕ СВЕДЕНИЕ К. МАРКСОМ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ К ОДНОЙ ИЗ
ФОРМ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. СТАТЬЯ К. МАРКСА
«ДЕБАТЫ ПО ПОВОДУ ЗАКОНА О КРАЖЕ ЛЕСА»

Собственно возникновение предпосылок метода научного исследования К. Маркса — это процесс первого столкновения К. Маркса с материальными интересами и первые попытки их осмысления, попытки, предпринимаемые в рамках в общем идеалистического мировоззрения.

Уже в статье «Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung» встречается следующее очень показательное высказывание К. Маркса: «Разве в большей части возбуждаемых вами (христианами. — В. В.) судебных процессов и в большей части гражданских законов дело не идёт о собственности?»¹. Итак, большая часть гражданских законов — это законы о собственности. К. Маркс еще не высказывается о том, необходимо ли такое положение или оно случайно, является ли вопрос о собственности необходимо главным вопросом гражданского законодательства и главным вопросом гражданской жизни общества. Он лишь констатирует факт, не объясняя его. Этот факт, в действительности не укладывающийся в рамки имевшихся тогда у Маркса представлений о государстве, о сущности человеческого общества, найден и зафиксирован, но не объяснен. Поэтому противоречие его упомянутым представлениям не обнаружено. То и другое сосуществуют пока безразлично друг к другу.

Тем не менее подход к самой глубокой сфере жизни общества начался. И начался таким образом: *в менее глубокой сфере жизни общества (в сфере деятельности государства), которая принимается пока за сущность, за самую глубокую сферу жизни общества, фиксируется то, что на самом деле есть непосредственное, ближайшее проявление в ней действия более глубокой сферы,*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 109.

подлинной сущности. К. Маркс по сути дела отмечает, что в гражданском законодательстве речь идет большей частью о праве на собственность (вопрос о собственности сливается в сознании молодого Маркса с вопросом о праве на собственность). К. Маркс лишь констатирует это проявление и констатирует его не как та или иное сугубо единичное, а как единичное повторяющееся, как такое своеобразное единичное, которое образует большую часть единичных предметов, явлений данного класса (в большинстве - гражданских законов речь идет о праве на собственность). Поэтому вопрос о собственности привлекает к себе внимание К. Маркса, предстает имеющим важное значение в гражданской жизни.

Более определенно свое отношение к вопросу о собственности К. Маркс выражает в статье «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» (написана 15 октября 1942 г.).

Отвечая на обвинение Аугсбургской «Всеобщей газетой»-«Рейнской газеты» в коммунизме, К. Маркс впервые непосредственно высказывает свое отношение к коммунизму. К. Маркс считает его в высшей степени серьезным современным вопросом для Франции и Англии и более того вопросом, имеющим европейское значение, вопросом, распространяющимся и на Германию².

Фактом, бросающимся в глаза всякому наблюдателю, является, по мнению К. Маркса, борьба сословия (по существу речь идет уже о классе), не имеющего собственности, со средним классом (по сути дела, с буржуазией), сосредоточившим в своих руках собственность и государственную власть. Сословие, не владеющее ничем, требует доли в богатстве средних классов, т. е. главное, из-за чего оно ведет борьбу, есть вопрос о собственности, об имуществе, о богатстве.

К. Маркс явно на стороне сословия, не владеющего ничем. Более того, он, видимо, уверен в необходимости немирного пути разрешения коллизии, в непримиримости борющихся сторон. Это видно из текста статьи³. К. Маркс несколько раз намекает на то, что разрешение вопроса должно осуществиться посредством кровавого кризиса. К. Маркс начинает (но только начинает) видеть излечение таких болезней германской действительности, как запустение рек, упадок судоходства, упадок торговых городов, бедность людей, независимых по своему положению, и др., в революционной борьбе неимущих против имущих собственность и государственную власть.

Однако К. Маркс по-прежнему еще отождествляет государство, соответствующее понятию, с сущностью человеческого общества, т. е. отождествляет сущность с формой ее проявления, *сводит сущность к форме ее проявления, причем к той форме проявления, которая наиболее близка к сущности*. Сфера политики, государства продолжает оставаться для него определяющей.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 115.

³ См. там же, стр. 116.

Поэтому К. Маркс констатирует как факт: вопрос о собственности, борьба сословия, ничем не владеющего, со средним классом— в высшей степени серьезный вопрос, имеющий европейское значение, — и в то же время сама собственность предстает у него в качестве политического, правового образования — как право на собственность.

Поскольку собственность рассматривается К. Марксом как правовое, политическое образование, и так как собственность, из-за которой идет борьба, есть частная, то частная собственность необходимо должна выступать для сознания К. Маркса в качестве, правовой, политической привилегии. Мы полагаем, что К. Маркс в это время неосознанно разделяет «основное положение *Фурье*»⁴, придерживается взгляда на частную собственность как на привилегию. Это представление в определенной степени сохраняется еще в «Рукописи 1843 г.» («К критике гегелевской философии права»).

Во взглядах К. Маркса наблюдается неосознаваемая *экстраполяция* сферы политики, государства на сферу экономики, менее глубокой сферы на более глубокую. *Специфика сферы экономики пока не обнаружена* К. Марксом. (Естественно, мы отнюдь не хотим сказать, что к этому времени специфика экономики вообще никем и ни в какой форме не была выявлена. Здесь имеется в виду только то, каким образом именно К. Маркс приходит к пониманию необходимости заняться изучением экономики и ее роли в жизни общества.) Сфера экономики уже «нащупана» К. Марксом, отличена им от сферы политики. Но это отличие представляется ему *несущественным* отличием. Сфера экономики не выступает в существенном отличии от сферы политики, государства, сводится к последней сфере.

Таким образом. В качестве сущности выступает то, что на самом деле есть ближайшая форма ее проявления. Подлинная сущность уже нащупана, но она сливается в сознании мыслителя с тем, что есть на самом деле ее непосредственное обнаружение в явлении, и осознается мыслителем в качестве явления. При этом отличие принимаемого за сущность от принимаемого за явление схватывается как несущественное. Менее глубокая сфера предмета представляется сущностью, а более глубокая — ее проявлением, полагаемым сущностью. Действительное отношение и уже начинает осознаваться и вмесите с тем осознается главным образом в перевернутом виде.

Следует подчеркнуть, что действительное отношение уже начинает осознаваться. Это сказывается и в интересе к вопросу о праве на собственность (т. е. в интересе к непосредственному обнаружению сущности в явлении) и в начинающем возникать понимании важности отличия собственности от права на собственность.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 117.

К. Маркс уже понимает коммунистические идеи как идеи борьбы сословия, не владеющего ничем. К. Маркс является революционером. Но одновременно он испытывает определенное влияние иллюзии, будто господствующие сословия, осознав истинные идеи, могут уступить сами, добровольно, только под влиянием познания истинности идей. И это последнее представление вытекает из идеализма, из утверждения решающей роли идей: ведь если главное, решающее средство борьбы — теоретическая критика, то достаточно показать истинность воззрений, чтобы их враги были в основном побеждены.

Очевидным фактом представляется К. Марксу то обстоятельство, что основная борьба в современных ему государствах (прежде всего в Англии и Франции) ведется между сословиями, не владеющими ничем, и средними классами и что главный вопрос борьбы — вопрос о собственности. К. Маркс стремится к защите обездоленной массы. В октябре 1842 г. (т. е. в месяц написания статей «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» и «Дебаты по поводу закона о краже леса»⁵) он, во-первых, уже, как и в июне — июле, выражает интересы не просто народа вообще, не только отмечает совпадение своей точки зрения с позицией крестьянства, но становится на сторону сословия, не владеющего ничем. Во-вторых, в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» он впервые прямо заявляет о своей защите интересов «бедной, политически и социально обездоленной массы»⁶. Первой работой К. Маркса, направленной на изучение жизни, интересов бедноты, и была эта статья. К. Маркс не случайно стал рассматривать именно закон о краже леса. В 1836 г. из 207478 уголовных дел в Пруссии около 150 тыс. были делами о краже леса и проступках против законодательства о лесе, скоте и выгонах.

Очень характерно: К. Маркс анализирует именно законодательство, правовые установления, а не обращается к изучению экономического положения бедноты, непосредственно к материальной жизни бедноты. Во всем этом проявляется противоречивость взглядов К. Маркса и его методологии. С одной стороны, желание изучить действительную жизнь и борьбу бедноты, обездоленной массы, с другой стороны, он исследует не самую экономическую жизнь, а ее фиксированное выражение в законодательстве, в праве. И это выражение материальной жизни в правовых установлениях принимается за самую материальную жизнь.

Вместо того чтобы исследовать экономическое положение бедноты, экономические данные, самую материальную жизнь, ее коллизии, К. Маркс еще только изучает отражение этой жизни и ее коллизий в праве. И это вытекает из представления о собственности как образовании сферы политики, государства.

⁵ Статья «Дебаты по поводу закона о краже леса» была напечатана и, по-видимому, также написана после статьи «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung».

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

Конкретно речь шла о праве бедноты собирать валежник. К. Маркс отстаивает право бедноты, ссылаясь на правовую природу вещей. Собственность лесовладельца — растущее, живое дерево; его собственностью является и срубленный, т. е. обработанный лес, так как лес в данном случае выступает как продукт деятельности его собственника. Тот, кто рубит и похищает лес, или тот, кто похищает лес, срубленный собственником, тот совершает кражу. Сбор валежника не есть покушение на собственность, ибо само дерево не владеет упавшими ветвями, следовательно, не владеет ими и собственник. Связь с собственностью разорвана самой природой собственности. К. Маркс рассматривает собственность, во-первых, как продукт труда, деятельности, во-вторых, наряду с первым представлением и безразлично к нему имеется другое: собственность есть нечто природное, вытекает из природного отношения вещей.

Первое представление — более глубокое, в нем обнаруживается, с одной стороны, начинающееся проникновение в суть собственности, с другой стороны, речь ведь идет о собственности лесовладельца и о противостоящей лесовладельцам бедноте, не имеющей собственности, т. е. имеется в виду *частная* собственность и частная собственность представляется продуктом труда, деятельности именно частного собственника. Отсюда, если последовательно развить такое представление, необходимо следует вывод: устранение частной собственности неправомерно, ибо оно было бы просто-напросто ограблением, единственно правомерно лишь присвоение беднотой неоформившейся, неоформленной собственности. К. Маркс не осознает необходимости такого вывода из принятого им представления, не осознает он также, что это представление содержит и рациональное зерно, начало проникновения в сущность дела (собственность возникает на основе трудовой деятельности) и вместе с тем в таком виде отражает главным образом поверхность капиталистических отношений (частная собственность есть продукт собственного труда частного собственника).

Обратимся теперь ко второму положению. Маркс выводит собственность из природного отношения вещей. Это представление отражает поверхность буржуазного общества, в котором общественные отношения на поверхности выступают как отношения вещей, как природное отношение. Это представление выражает также взгляд, существующий при феодализме, на природно-личное отношение к собственности. Выводить право бедноты на сбор валежника из разрыва естественного отношения дерева и его ветвей — значит фактически исходить также из представления о частной собственности лесовладельца как обусловленной самой природой⁷ и, следовательно, допускать вечность существования частной собственности.

⁷ В иной форме следы такого рода подхода к собственности сохраняются и позднее в рукописи К. Маркса «К критике гегелевской философии права».

Но здесь очень важно, что поверхностное представление о частной собственности как о данной природой превращается в средство защиты интересов бедноты, лишенной частной собственности, в средство борьбы с частной собственностью. Правда, самое большее, что при этом может быть достигнуто, так это расширение доли, принадлежащей бедноте, но не устранение самой бедноты. Стремление к последовательной защите политически и социально обездоленной массы сочетается с непониманием реальных путей и средств борьбы и использованием тех путей и средств, которые не могут по своей сути привести к удовлетворению коренных интересов этой массы, а, напротив, даже противоречат осуществлению упомянутого стремления.

Рассуждая о справедливой мере наказания за преступления против собственности, К. Маркс пишет, что такой мерой служит мера содержания правонарушителя. «Мера этого содержания есть, таким образом, и мера преступления. Для собственности такой мерой является её *стоимость*. ... Стоимость есть гражданское бытие собственности, логическое выражение, в котором собственность впервые приобретает общественный смысл и способность передаваться от одного к другому. Понятно, что это объективное определение, данное природой самого предмета, должно служить также объективным и существенным определением для наказания»⁸. Следовательно, собственность получает общественный смысл и способность передаваться от одного к другому благодаря стоимости, стоимость есть гражданское бытие собственности.

Таким образом, общественное устройство, в котором происходит движение собственности от одного индивида к другому, в котором собственность свободно переходит от одного индивида к другому, есть гражданское устройство. Собственность, а также стоимость в данном случае выводятся из природы самих предметов. Стоимость представляется и тем, что придает собственности общественный смысл, т. е. чем-то общественным, и тем, что выводится из самой природы, т. е. чем-то природным. Стоимость оказывается и логическим выражением, которое впервые придает, создает общественный смысл собственности, т. е. стоимость есть бытие общественного разума. Стоимость и собственность определяются самими природными предметами.

К. Маркс сознает себя защитником бедноты, «самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы»⁹. Причем имеется в виду не только беднота какой-либо ограниченной местности, а беднота во всех странах. Если в статье «Коммунизм и Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» К. Маркс называет бедноту сословием, не владеющим ничем, то в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» он высказывается, о бедных как о людях, стоящих вне сословий¹⁰.

⁸ К. М а р к с и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 124.

⁹ Там же, стр. 125.

¹⁰ См. там же, стр. 128.

Итак, хотя вопрос о краже леса касается бедноты в одной определенной стране, однако он служит материалом для выявления общего положения бедноты во всех странах. Речь идет в первую очередь по существу о праве бедноты и о том, что только право бедноты по своему содержанию законно, разумно, в то время как право привилегированных законно лишь формально, а по содержанию оно не всеобщее и, следовательно, неразумно. «Обычные права благородных по *своему содержанию* восстают против формы всеобщего закона. Они не могут быть отлиты в форму законов, так как представляют собой оформившееся беззаконие. Противоречия по своему содержанию форме закона — всеобщности и необходимости, — эти обычные права тем самым показывают, что они являются *обычным бесправием*; их нельзя поэтому отстаивать в противовес закону, а, напротив, они — как нечто, противоположное закону, — должны быть отменены, и пользование ими должно даже повлечь за собой то или иное наказание»¹¹. «Но если эти обычные права благородных являются обычаями, противоречащими понятию разумного права, то обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права. Содержание обычного права бедноты восстает не против формы закона, — оно, скорее, восстает против своей собственной неоформленности. Форма закона не противоречит этому содержанию, но только оно не приобрело ещё этой формы»¹².

Очень важно то обстоятельство, что К. Маркс не различает по сути дела собственность как материальное отношение и юридическое отражение этого отношения, право собственности. Он обсуждает вопрос именно о праве собственности, о собственности как праве.

Право привилегированных, не являющееся по своему содержанию всеобщим, разумным, есть вместе с тем право частной собственности. Право бедных по своему содержанию всеобщее, разумно, и оно есть общественная собственность. Непосредственно имелась в виду, конечно, защита обычных, прежних прав общинного крестьянства, а не защита собственности как собственности всего общества. Однако права бедноты обосновываются К. Марксом ссылкой на их всеобщность, разумность. А всеобщность согласно Гегелю и молодому К. Марксу есть не сумма единичного, а единство разнообразного, разум же по своей необходимой природе — объективный разум, а не разум изолированных индивидов или группы индивидов.

Поскольку право бедных квалифицируется как разумное и всеобщее, постольку фактически происходит отвлечение от собственности как собственности отдельных, изолированных друг от друга общин. Интерпретация права бедноты в качестве разумного и всеобщего позволяла в рамках идеализма начать нащупывание понимания собственности как общественной.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 126.

¹² Там же, стр. 127.

Понимание настоящего К. Марксом определяет и его понимание истории. Заметим, что уже здесь знание истории у Маркса не есть просто опрокинутое на прошлое знание настоящего. Однако тем, каковы взгляды на настоящее, решающим образом определяется подход к прошлому. Мы уже рассматривали воззрения К. Маркса на историю, в частности, в период подготовки и написания докторской диссертации.

Теперь К. Маркс придерживается в общем прежнего представления о развитии истории как осуществлении свободы духа, разума общества. Однако здесь развитие свободы представляется главным образом как развитие права, политического духа общества.

К. Маркс делит мировую историю на период несвободы и период свободы. Внутри периода несвободы он, на наш взгляд, различает два этапа. Первый этап — духовное животное царство, «феодализм в самом широком смысле этого слова»¹³ (причем К. Маркс отличает примитивный феодализм от более развитого). Второй этап — этап рассудка. И затем период собственно свободы — период разума.

В период несвободы неравенство господствует над равенством, человечество распадается на ряд видов, разделение человечества на виды господствует над единством человеческого рода. Связь видов, их объединение, родовое единство, определяется их неравенством. Единство (единство человеческого рода) осуществляется через неравенств? видов. Неравенство видов понимается К. Марксом как неравенство в государственно- и частноправовом, в политическом отношении. В этом отношении взгляд К. Маркса отличается от представления Гегеля. И Гегель, и пока еще К. Маркс рассматривают сферу частных интересов, гражданское общество в качестве проявления деятельности государства. Оба мыслителя придерживаются представления о существовании духовного животного царства. Но Гегель относит это царство лишь к сфере частных интересов, где каждый индивид преследует свои эгоистические цели и противостоит другим индивидам, а К. Маркс распространяет представление о духовном животном царстве и на сферу государства и права, как частного, так и государственного, и различает не по индивидуальному признаку, а по групповому (по тому или иному наличию или отсутствию правовых привилегий).

Мы уже отмечали, что К. Маркс представляет действительное отношение сущности и явления общества пока в общем и целом в перевернутом виде. Выйти за пределы перевернутого представления о соотношении сущности и ее проявления можно при неприятии, отрицательном отношении, критике не только того, что мыслитель считает проявлением, но, главным образом, того, что он считает сущностью, т. е. путь к перевертыванию отношения

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

лежал через критику государства и в первую очередь государственного права. Поэтому квалификация К. Марксом не только сферы частных интересов, а и существующего государства и права как духовного животного царства была шагом вперед по пути к установлению истинного соотношения материальной жизни общества и государства и уже в пределах перевертывания действительного отношения заключала в себя более глубокое проникновение в действительное положение вещей, чем это было у Гегеля.

Поскольку в духовном животном царстве, в царстве, где дух еще не стал свободным и где он еще непосредственно погружен в животную природу, именно неравенство, различие обуславливает и определяет связь, постольку отношение различного, неравного есть отношение враждебного, главным образом, исключаящего друг друга. Связь различного есть здесь связь исключения, отрицания различным друг друга. Равенство, тождество есть тут только одинаковость различных индивидов одного вида, т. е. одинаковость изолированных индивидов. Поэтому, строго говоря, отсюда следует, на наш взгляд, что индивиды не образуют вид как единство, индивиды внутри каждого вида по существу изолированы друг от друга и в лучшем случае только внешне одинаковы, т. е. внешне равны¹⁴.

В период свободы определяющим становится единство (равенство человеческого рода). Но это единство не бесформенное, не лишенное различий. Различия в нем есть, однако они полагаются единством (равенством).

В периоде несвободы К. Маркс выделяет в качестве последнего этапа — этап рассудочной деятельности. На наш взгляд, было бы неправомерно интерпретировать это представление К. Маркса так, будто он подразумевает под этапом рассудка исключительно буржуазное общество. Так как К. Маркс еще не понял сути его и не отличил ее последовательно от сути феодализма, то различие феодализма и капитализма сочетается, с их отождествлением. И все же К. Маркс подчеркивает в какой-то мере своеобразие этапа рассудка по отношению к средневековью, все установления которого, по мнению К. Маркса, представляли собой смешение частного и публичного права¹⁵. Собственность имела тогда неопределенный характер, она не являлась ни безусловно частной, ни безусловно общей собственностью. Между тем «источник всякого обычного права бедных заключается в неопределенном характере некоторых видов собственности»¹⁶. Следовательно, привилегии и права привилегированных существовали и слитно с правом бедноты.

Деятельность рассудка заключалась в уничтожении двойственных, неустойчивых форм собственности. К. Маркс признает

¹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 128.

¹⁶ Там же.

исторически необходимым рассудочное законодательство. Деятельность рассудка сводила неопределенные виды собственности к определенности, т. е. лишало бедноту источника их обычного права, сводила все виды собственности к односторонней, к частной собственности. Всякой частной собственности был придан гражданский характер, т. е. было установлено равенство всех частных собственников перед законом, в этом отношении частная собственность потеряла случайный характер и получила характер всеобщности, необходимости (равенства перед законом).

Однако рассудочное законодательство, превращая неопределенную двойственную собственность в определенную, частную собственность, утверждало право владельца собственности и уничтожало существующее право невладельца собственности. Кроме того, установление равенства частных собственников перед законом не уничтожало государственно-правовых привилегий собственности: сама частная собственность есть государственно-правовая привилегия¹⁷.

Частная собственность, частный интерес, поскольку К. Маркс рассматривает их как продукт деятельности рассудка, не позволяют осуществиться действительному единству, целостности. Рассудок изолирует стороны целого и тем самым умерщвляет дух целого. Поэтому, с точки зрения К. Маркса, частный- интерес, частная собственность есть нечто бездуховное, неразумное, материальное и безнравственное (нравственное есть определение целостности).

В дебатах о краже леса К. Маркс обнаруживает, что частный интерес лесовладельцев готовит закон и превращает государство в свое средство. Государство, соответствующее своему понятию, есть воплощение целого, разума, всеобщности. Поэтому мало-мальски разумное государство не допустит превращения себя в средство частных интересов. Если же государство допускает, что частный интерес подчиняет его себе, то такое государство неразумно и подлежит уничтожению.

К. Маркс исходит из идей закономерного, необходимого развития духа. Стадия рассудка исторически неизбежна. Однако К. Маркс, хотя и понимает, что рассудочное законодательство есть выражение объективного, независимого от законодателя развития духа, переживающего стадию рассудка, вместе с тем, в силу своего идеализма, не может последовательно отличить рассудочное законодательство от объективно существующего рассудка, и постольку законодательство предстает всемогущим. Отсутствие понимания реальных условий существования, возникновения и уничтожения частной собственности обуславливает произвольность представлений об этих условиях.

¹⁷ Представление о собственности как только или главным образом привилегии — представление, соответствующее феодальному устройству общества. Борьба против частной собственности вообще, но как привилегии, есть борьба против феодального отношения, исходящая из предпосылок феодального общества.

В период свободы, господства разума связь, единство, определяет различия, различия сохраняются, но уже не обособляются и осуществляются не через себя, а через единство.

Из взглядов К. Маркса на историю человечества вытекают, по нашему мнению, два противоречащих друг другу представления о будущем частной собственности. Во-первых, К. Маркс, по-видимому, полагает, что в разумном обществе частная собственность, частные интересы сохраняются, но они подчиняются единству человеческого рода, объединяются. (Это понимание содержится и в статье К. Маркса «О сословные комиссиях в Пруссии».) Во-вторых, исходя из того, что К. Маркс относит возникновение частной собственности в развитом виде к периоду рассудка, и основываясь на том, что, согласно К. Марксу, в разумном, обществе снимается обособленность частных интересов, образующаяся в период рассудка, можно заключить о наличии в воззрениях К. Маркса зародышевых представлений о необходимости установления общественной собственности. Однако при этом собственность понимается К. Марксом именно в качестве прежде всего права собственности. К. Маркс уже начинает понимать, что если в царстве несвободы трутни, нетрудящиеся присваивают себе плоды работы трудящихся, изнуряя их работой, то в царстве свободы, разума плоды труда будут принадлежать самим трудящимся, а работа перестанет быть убивающей человека своей тяжестью. Правда, высказывание о трутнях и рабочих пчелах духовного животного царства не развито К. Марксом. К. Маркс представляет себе период свободы в истории человечества, т. е. осуществленный разум, как мир единства, «который сам создаёт свои различия»¹⁸.

Небезынтересно заметить следующее. Если старый процесс развития уже достиг такой степени зрелости, когда он выявил свои противоречия, а новый процесс развития, возникающий из старого, еще только становится, когда различия и противоречия внутри нового еще не развились, — на первый план выходит устранение отличий старого процесса от нового. Единство старого и нового процессов действительно является и представляется тем, кто желает способствовать развитию, не главной стороной. Главным же является отрицание старого, его отличия от нового. Напротив, так как в новом процессе еще не выступили его внутренние различия и противоречия, то при его рассмотрении на первый план выходит единство. Если же при этом новый процесс представляют не как абсолютно развитый, то в нем допускают различия и т. п., но только как подчиненный момент тождества, единства.

Если же новый процесс достигает такой степени, зрелости, когда обнаруживаются его внутренние различия и противоречия, то прежний взгляд на него как на такой, в котором главным является единство, оказывается сначала консервативным, а затем и реакционным. Все взгляды, бывшие для своего времени револю-

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 125.

ционными, по мере развития общества или наук превращаются в консервативные, а затем в реакционные, если их пытаются применить к условиям, по отношению к которым они изжили себя.

Воззрения К. Маркса в рассматриваемый период продолжают иметь переходный характер и, следовательно, в них сохраняются противоречия перехода (от идеализма к материализму, от революционного демократизма к коммунизму).

В методологическом аспекте необходимо отметить следующие главные противоречия.

На начальных этапах критика существующего (будь это общественное устройство, наука, методология или что-либо другое) *исходит из предпосылок существующего*. Таково характерное и общее противоречие всякого перехода. У К. Маркса оно проявляется, в частности, в том, что критика К. Марксом феодализма еще не освободилась от представлений, свойственных феодализму, а критика К. Марксом капитализма не освободилась от критики, ведущейся с позиций, свойственных капитализму.

Точно так же и в области методологии. К. Маркс критикует метод Гегеля, оставаясь во многом в пределах этого метода.

Но преодоление старого, исходящее из предпосылок этого старого, переживает несколько этапов.

Уже у Гегеля содержалось противоречие между идеализмом, по своей сути освящающим существующее, и диалектикой, по своей сути критической и революционной. Однако у Гегеля противоречие между идеализмом и диалектикой находилось, по нашему мнению, на уровне *тождества с различием*: в методе Гегеля диалектика по сути дела отождествлена с идеализмом, хотя неявно ее отличие от идеализма сохраняется. Соответственно в философии Гегеля освящается существующее, а изменения существующего допускаются лишь как сугубо подчиненный момент сохранения существующего.

В воззрениях молодого К. Маркса в рассматриваемый период противоречие между идеализмом и диалектикой, а также между сохранением существующего и его критикой поднимается *на более высокую ступень*. Это обуславливается прежде всего социально-политической позицией К. Маркса. В отличие от Гегеля К. Маркс — революционер и, следовательно, он стремится в корне отвергнуть существующее. Само собой, разумеется, осуществление разума, разумное устройство общества К. Маркс переносит на будущее, на то общество, которое в корне отличается от существующего. При этом на первый план выходит не единство существующего и будущего, достигаемого в процессе и в результате коренной критики существующего, а их отличие друг от друга, точнее, *отрицание* существующего. Но такая позиция методологически в полной мере не осознается. Создается *противоречивая методологическая ситуация*. Во-первых, поскольку метод Гегеля до конца не преобразован К. Марксом, сохраняется противоречие идеализ-

ма и диалектики на ступени тождества с различием. Во-вторых, во взглядах К. Маркса содержится вместе с тем более развитая ступень отношения идеализма и диалектики, а также более развитая ступень взгляда на сохранение существующего и его критику. Центр тяжести в этом отношении перенесен на критику, отрицание существующего, а установление единства существующего и того, что должно прийти ему на смену, хотя и имеется во взглядах К. Маркса, однако оно отступает на задний план и присутствует, скорее, неявно. Точно так же методологический, подход, основывающийся преимущественно на признании необходимости сохранения существующего, выступает как, главным образом, отрицаемый, а методологический подход, основывающийся на признании необходимости коренного изменения существующего, как утверждаемый. Единство того и другого присутствует неявно.

Таким образом, во взглядах молодого К. Маркса в рассматриваемый период противоречие между идеализмом и диалектикой, а также между методологией, основывающейся на позиции сохранения существующего, и методологией, основывающейся на позиции коренного преобразования существующего, находится на ступени *разности*. Разность есть отношение различного как безразличного друг другу. Это — не оторванные друг от друга различия, а внутренне единые друг с другом, хотя единство неявно, не обнаружилось.

Указанные противоречия проявляются и в интерпретации К. Марксом в это время отношения государства и гражданского общества и в понимании им периодизации истории человечества и в трактовке сущности и существования различных общественных институтов.

Так, К. Маркс, как и Гегель, исходит из необходимости осуществления разумного государства, воплощающего идею целого. В противоположность Гегелю К. Маркс переносит воплощение разумного государства в действительности с настоящего на будущее, это обусловлено его революционным отношением к существующей действительности. Однако К. Маркс все-таки продолжает полагать, что действительность должна быть перестроена соответственно разуму. В таком случае разум неизбежно оказывается оторванным от действительности и, следовательно, превращенным в абсолютом, в нечто неизменное.

Абсолют по своей природе исключает всякие различия, не говоря уже о собственно противоречиях. Признавать в абсолютизированном разуме различия — значит допускать утверждение, противоречащее абсолютизации разума. Признание абсолюта по сути противоречит признанию развития в истории. Признание абсолютного разума означает, что мир, предметы, вещи есть лишь воплощение разума, всеобщего. Допущение своеобразных сущностей-предметов, вещей противоречит допущению абсолюта. Все эти противоречия имелись у Гегеля. Имеются они и у К. Маркса.

Однако у Маркса в рассматриваемый период, наряду с со-

хранением этих противоречий на ступени тождества с различием, они появляются и на ступени разности.

У Маркса своеобразная сущность предметов, существование неразумной действительности, т. е. действительности, отличной от разума, с одной стороны, характеризуется как положенная разумом, а с другой — пусть неосознанно, допускается как существующая безразлично по отношению к разуму. Это связано с тем, что К. Маркс на самом деле начинает изучать предмет (в данном случае дебаты ландтага), не внося ничего произвольного, навязанного фактам извне.

Он констатирует и выражает в общей форме факт: лесовладельцы, т. е. частные собственники, занимаются законодательной деятельностью, они вырабатывают законы для осуществления своих частных интересов. Следовательно, частные интересы, частная собственность подчиняют себе законодательство, т. е. сферу деятельности государства, определяют содержание законодательства, а значит, определяют деятельность государства. Такое положение создается везде, где частная собственность диктует законы: «Лес остаётся лесом в Сибири, как и во Франции, лесовладелец остаётся лесовладельцем на Камчатке, как и в Рейнской провинции. Если, следовательно, лес и лесовладелец, как таковые, станут издавать законы, то эти законы будут отличаться друг от друга только местом, где они изданы, и языком, на котором они написаны»¹⁹.

Замечает ли К. Маркс противоречие такого положения своему взгляду на разумное государство? Да. Но как он его разрешает? Он считает, что если так есть, то так не должно быть, что это существование противоречит сущности, разумному государству. И существование, противоречащее сущности, подлежит устранению.

Понимание отношения сущности и явления, существования К. Марксом также противоречиво.

Во-первых, в его воззрениях остается непреодоленная до конца ступень гегелевской трактовки отношения сущности и явления. При допущении абсолюта явление и сущность отрываются друг от друга. Логически возможными оказываются три случая: либо сущность полностью сводится к явлениям, либо явления к сущности, либо явление и сущность сводятся к чему-то внешнему по отношению к ним. Сведение явления и сущности друг к другу существует на основе их отрыва друг от друга и, следовательно, понимания их отношения как чисто внешнего.

Гносеологическим корнем этого типа сведения служит познавательная ситуация, складывающаяся на переходном этапе, когда движение познания от поверхности, явления к сущности только начинает сменяться движением от сущности к явлениям. Тогда в познании необходимо присутствуют огрубления, заключающиеся в сведении сущности к явлениям и явлений к сущности.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 160.

Но Гегель не только принципиально исходит из сведения явлений к сущности, в рамках отождествления явлений с сущностью» он допускает отличие явлений от сущности (это тоже характерно для упомянутой познавательной ситуации).

Во-вторых, К. Маркс фактически рассматривает также отношение сущности и явлений как разность, т. е. явления не только сводятся им к сущности и выступают не просто как отличные от сущности, а как безразличные к ней. Тем самым делается шаг вперед по пути устранения сведения явлений к сущности, по пути устранения разрыва между явлениями и сущностью, по пути установления подлинно внутреннего единства явлений и сущности.

Следует заметить, что переход познающего от познания отношения явления и сущности на уровне конкретного тождества к познанию их отношения на уровне различия и затем разности (а впоследствии на уровне противоположности и противоречия) *противоречив*. Это есть одновременно и углубление в объект познания и отлет от него. Так, на уровне понимания отношения явления и сущности как разности выступает в качестве одной из сторон отношения безразличие явления и сущности друг к другу.. Абсолютизация этой стороны может привести, например, к априоризму кантовского типа. У Маркса абсолютизация кантовского типа отсутствует.

§ 2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ СТАДИЯ СВЕДЕНИЯ К. МАРКСОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СУЩНОСТИ (ОБЩЕСТВА) К ФОРМЕ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. СТАТЬЯ К. МАРКСА «ОПРАВДАНИЕ МОЗЕЛЬСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА»

Выступление «Rheinische Zeitung» 12 и 14 декабря со статьями, касающимися дровяного голода и бедственного положения мозельских виноделов, вызвало два рескрипта обер-президента Рейнской провинции фон Шапера. В качестве ответа на них и появилась статья К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента» (написана между 1 и 20 января 1843 г.). В ней К. Маркс делает несомненный и значительный шаг вперед по пути обнаружения подлинной сущности (общества).

Главный вопрос, который К. Маркс анализирует, — бедственное положение примозельского края. К. Маркс стремится выделить закономерные, объективные отношения, независимые от воли» от произвола, от желаний отдельных лиц²⁰.

Собственно говоря, признание объективной природы отношений, признание необходимости, закономерности, объективности государственной жизни возможно и с позиций материализма и с позиций идеализма. Для того чтобы решить, какой степени раз-

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.1, стр. 192—193.

вития достигли зародыши материализма во взглядах К. Маркса, нужно разобрать весь анализ государственной жизни, данный К. Марксом в этой статье.

Бедственное положение примозельского края К. Маркс относит к явлениям государственной жизни.

Государственная жизнь охватывает, по крайней мере, две стороны: частную и государственную. Частная сторона государственной жизни есть гражданское общество, область частных интересов. Термин «государство» употребляется и в значении «целое» и в значении «одна из сторон, частей целого». Устранение бедственного положения примозельского края означает изменение обеих сторон: изменение и частной, и собственно государственной.

Поскольку сфера частных интересов представляется стороной, частью государственной жизни, постольку она есть лишь проявление, а государство есть сущность, целостность, внутреннее, единство. Действительное отношение по-прежнему осознается еще в перевернутом виде.

Согласно идеалистической гегелевской методологии целое, целостность, всеобщность, единство, полагает из себя свои части, стороны, различия: государство полагает из себя сферу гражданского общества и самое себя как свою часть. Следуя такой методологии, необходимо утверждать, что упразднение обособленности и противоречивости частей не может исходить от частей, а должно быть деятельностью именно целого, целостности, всеобщности, единства. В таком случае должны быть и люди, выражающие это единство, всеобщность, целое, как таковое. Выражением этой деятельности целостности как целостности и служит, по мнению К. Маркса, свободная печать, стоящая выше и обособленности сферы частных интересов, и обособленности государства, т. е. выше государства, поскольку оно является своей собственной частью.

Но если целостность, всеобщность, единство, полагает из себя свои части, стороны, различия, то и в анализе бедственного положения примозельского края необходимо исходить из целого, всеобщего, единства и идти к различиям, сторонам, как полностью полагаемым всеобщим, единством, целым. По сути дела следовало бы пользоваться дедукцией, оторванной от индукции.

К. Маркс напротив и вопреки сохраняющимся у него идеалистическим представлениям принципиально встает на иной путь: он идет от фактов к обобщениям, от констатации сторон, различий к установлению их противоречивого единства, от поверхности, случайности к сущности, закономерности, необходимости. «...Мы хотим строить всё наше изложение на одних *фактах* и стараемся только, по мере сил, выразить эти факты в обобщённой форме...»²¹. Провозглашение этого положения в качестве определяющего принципа подхода к изучению предметов уже означает известный выход за пределы гегелевского идеализма. Объективный идеализм

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 199.

построен на абсолютизации дедукции, на признании за дедукцией привилегии единственно подлинного познания. Индукция оказывается в принципе приемом не действительного познания, а обнаружения знания, полученного дедуктивным путем. Правда, сами факты могут быть поняты, в частности, как констатация тех или иных моментов объективного духа. В общем и целом К. Маркс и представляет объективные отношения в качестве отношений объективного духа.

Но все-таки не только желание принципиально строить свои воззрения лишь на строгом обобщении фактов, но главным образом реализация этого намерения позволяют заключить о росте зародышей материализма во взглядах К. Маркса по сравнению с предшествующими работами.

К. Маркс продолжает полагать, что государство есть политический дух, а следовательно, продолжает рассматривать государство, соответствующее своему понятию, как государство разума, истинное государство. Государство, не соответствующее своему понятию, является в таком случае неразумным, отклонением от разума. Сущность есть разум, истина, и поэтому существующее есть только существующее, оно в самом себе не имеет сущности, а значит, закономерности, необходимости. Если же неразумное существующее имеет свои внутренние законы, всеобщие, необходимые связи, то отсюда следует отрицание разума в качестве единственной, общей сущности.

К. Маркс еще в статье «Запрещение «Leipziger Allgemeine Zeitung» писал о внутренних законах народной прессы. Народная пресса и есть *выражение* духа народа, т. е. относится к существованию. Но внутренние законы развития народной прессы, выражающей разум, истину, четко не отличались К. Марксом от самого разума, истины. Это существование разумное.

Теперь же К. Маркс анализирует существование, которое нельзя отнести к разумному, существование, которое является отрицанием разума: бюрократическое, антинародное, неразумное управление. Он выявляет внутренние законы неразумного существования. Он также исследует отношение между двумя неразумными существованиями: сферой частных интересов и антинародным, бюрократическим управлением и обнаруживает необходимость, закономерность отношения. Тем самым он уже не просто провозглашает, но начинает реализовывать положение о необходимости выявления «логики дела», логики специфического предмета. Нужно было сделать следующий шаг по пути обобщения, дать себе отчет в достигнутом результате, осознать его, сформулировать в общей форме, окончательно отказаться от противоречащего этому положению допущения, вытекающего из объективного идеализма, будто разум, истина как таковая есть всеобщая сущность различных предметов, в которых она только воплощается, и остановиться на признании во всеобщей форме положения о наличии сущности определенных предметов.

Остановимся более подробно на исследовании К. Марксом бюрократии, отношения сферы частных интересов к бюрократическому, антинародному государству и на рассмотрении зародышей материализма в этих воззрениях К. Маркса. Вопрос об отношении гражданского общества и государства уже есть методологический вопрос. Выражая вопрос в более общей форме, следует сказать, что тут речь идет об отношении сущности (общества)²² в её слитности с собственной непосредственностью этой сущности (частные материальные интересы, взятые только как частные, есть поверхность материальной жизни общества как сторона самой этой жизни), а также с определенной исторической стадией развития сущности, и одной ближайшей формы проявления сущности (имеется в виду государство). Причем ближайшая форма проявления сущности фиксируется тоже в ее особом историческом существовании. Кроме того, действительная сущность (гражданское общество) выступает в сознании преимущественно в качестве формы проявления, а действительная форма проявления (государство) — в качестве сущности. И это не все, в сознании К. Маркса образуются зародыши понимания действительного отношения сущности и явления. В статье «Оправдание мозельского корреспондента» все это осознание отношения гражданского общества и государства достигает почти предела, за которым должно последовать «переворачивание» отношения и обнаружение подлинного отношения гражданского общества и государства.

Рассмотрение Марксова исследования в упомянутой статье отношения гражданского общества и государства позволяет выделить в исследовании две ступени изучения материала.

Прежде всего К. Маркс просто сопоставляет наиболее показательные места документов, в которых зафиксирован диалог представителей существующего государства и представителей частных интересов о бедственном положении виноделов примозельского края. К. Маркс стремится точно описать фактическое отношение гражданского общества и государства по данному вопросу.

Это ступень описания. В описании предмет изучения представляют по возможности без изменения, так, как он непосредственно дан. Поэтому справедливо говорить о том, что в описании констатируется непосредственное, наличное бытие предмета изучения. Однако К. Маркс не пользуется описанием в чистом виде, в противном случае он должен был бы просто переписать все документы, не опуская ничего, ни одной запятой, ни одной буквы. Описание в чистом виде есть абсолютно точное воспроизведение предмета, как он непосредственно дан. К. Маркс же, во-первых, изучает документы под углом зрения определенного вопроса и, во-вторых, выделяет в них места наиболее показательные, т. е.

²² Выше мы уже отмечали, что, на наш взгляд, сама сфера материальной жизни общества имеет в себе свою поверхность, сущность, явление, действительность и вместе с тем по отношению к другим сферам жизни общества она выступает как сущность.

производит отбор существенного материала, отвлекаясь от несущественного. Следовательно, описание с самого начала нераздельно связано с теоретической обработкой материала исследования. Но все же сначала явно доминирует воспроизведение предмета изучения в таком виде, в каком он непосредственно дан.

Вторая ступень. Непосредственно данное К. Маркс анализирует, обобщает, стремясь не вносить в факты ничего произвольного, а лишь выразить их в обобщенной форме.

Выше, в другом контексте, мы писали об этой ступени в исследовании К. Маркса. Здесь необходимо внести дополнение. Посредством анализа и индукции К. Маркс выделяет объективные отношения. Но при таком способе центр тяжести лежит именно в выявлении общего, объективных отношений, как они даны в фактическом положении. Изучение внутренних, необходимых связей объективных отношений друг с другом, т. е. их объяснение не становится задачей первостепенной важности. И в частности поэтому К. Маркс в общем и целом сохраняет прежнее представление о необходимой духовной природе объективных отношений.

Исследование взглядов К. Маркса должно пройти необходимый путь всякого исследования: от их описания через анализ, строгое обобщение взглядов К. Маркса, непосредственно представленных в его работах, к характеристике внутренних, необходимых связей взглядов К. Маркса, уже пусть непосредственно и не представленных в его трудах²³. Как всякое подлинное абстрагирование это есть отступление от непосредственно данного при одновременном углублении в него.

Мы не будем воспроизводить описательную стадию исследования К. Маркса, опустим из-за недостатка места и проделанный нами анализ второй ступени исследования К. Маркса и попытаемся обнаружить те необходимые объективные отношения гражданского общества и государства, экономики и политики, которые обнаруживаются в анализе К. Маркса.

К. Маркс констатирует как данное определенное отношение между сферой частных интересов, гражданским обществом и административной, исполнительной бюрократической властью. Употребляя здесь слова «как данное», мы имеем в виду, что К. Маркс не изучает возникновения этого отношения, а обнаруживает его в фактическом положении дел в качестве существующего.

Как рассматриваются стороны отношения и само отношение? К. Маркс начинает анализ не вообще с внутренних отношений бюрократической исполнительной власти внутри себя и не с высоких инстанций управления, а с отдельного представителя бюрократии, наиболее близко стоящего к другой стороне отношения, к сфере частных интересов. При этом отдельный представитель

²³ Изучение взглядов мыслителя, ученого есть не только констатация того, что осознавал сам мыслитель, ученый, но и выявление закономерностей развития его воззрений, которые он не осознавал.

бюрократии рассматривается как индивидуализированный тип. Это делается с целью отвлечения от субъективных влияний и выделения общего, объективного. Этот отдельный чиновник добросовестен, делает все от него зависящее (предполагается, идеальный случай, очищенный от затемняющих суть дела обстоятельств) и потому считает положение дел не внушающим опасения. И вдруг он встречается с противоположным мнением. Отношение отдельного чиновника (как воплощения типа), ближе других представителей бюрократии соприкасающегося со сферой частных интересов, враждебно, противоположно сфере частных интересов. Откуда проистекает такая противоположность? В общей форме К. Маркс этот аспект дела не разбирает. Но попытаемся выявить, что здесь содержится скрыто.

Чтобы чиновник встал во враждебное, противоположное отношение к сфере частных интересов, должна существовать противоположная точка зрения. О противоположной точке зрения говорится сначала лишь в отрицательной форме: эта точка зрения противоположна точке зрения чиновника. Чем же обусловлена последняя? Если чиновник добросовестно исполнял свои обязанности, то он должен считать, что осуществлял всеобщий, государственный интерес. В таком случае противоположная точка зрения, отрицающая его точку зрения, естественно, для него выступает как сугубо частный интерес. По сути дела, чиновник исходит из убеждения в том, что именно и только чиновники воплощают и защищают всеобщий, государственный интерес, а управляемые связаны только с частными интересами. Следовательно, представление чиновника неявно основывается на убеждении в полном тождестве его частной деятельности с осуществлением всеобщего, государственного интереса, т. е. на полном отождествлении своего частного интереса с всеобщим, государственным интересом, и на убеждении в полном отрыве сферы гражданского общества от всеобщих, государственных интересов. Отношение государства и гражданского общества тогда предстает как отношение только исключаящих друг друга противоположностей.

К. Маркс анализирует и вторую сторону отношения. Попробуем проанализировать и обобщить Марксово рассмотрение второй стороны. К. Маркс не отвергает существования сугубо частных интересов. Государство в случае столкновения с ними должно подчинить их себе. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» К. Маркс уже доказал, что лесовладельцы, заседающие в ландтаге, осуществляют законодательную, деятельность в своекорыстных интересах, т. е. подчиняют всеобщие, государственные интересы частным интересам (точнее, интересам частных собственников). Тогда он склонялся больше к тому, чтобы приписывать это отклонению от разума, т. е. случайности, хотя в то же время в статье менее явно и развито содержание представление о необходимости такого положения для развития духа на стадии рассудка.

Теперь К. Маркс имеет дело не с эгоистическим частным

интересом, а с интересом, который является и частным- и вместе с тем государственным, всеобщим. По существу в статье «Оправдание мозельского корреспондента» фигурирует именно этого рода частный интерес. Однако К. Маркс специально не выделяет и не сопоставляет друг с другом отношение государства и своекорыстных частных интересов с отношением государства и частных интересов, совпадающих с государственными интересами. Поэтому анализ второго отношения в статье до известной степени представлен слитно с характеристикой первого.

Очевидное для всех бедствие терпят именно бедные, необразованные виноделы. Но нищета подкрадывается и к более богатым и образованным виноделам. Таким образом, бедствие, охватывает главным образом бедных виноделов, и, значит, прежде всего их частный интерес совпадает со всеобщим, государственным интересом. К. Маркс не подчеркивает это обстоятельство, а только различает бедных, необразованных виноделов, испытывающих крайнюю нужду, и не могущих подать свой голос, и образованных, более богатых виноделов, к которым нищета только подкрадывается и чью жалобу разбирают административные власти. Частные интересы образованных, более богатых виноделов в данном деле также совпадают с государственными, поскольку эти виноделы наблюдают и выражают нищету других и поскольку нищета грозит им самим. Если мы сделаем вывод из анализа К. Маркса, то мы должны сказать, что с государственными интересами совпадают интересы нищей, обездоленной массы. Таков вывод непосредственно не делается К. Марксом, но вытекает необходимо при рассмотрении его анализа случая совпадения частных интересов с государственными.

Прежде чем продолжить рассмотрение отношения этих частных интересов и административной бюрократической власти, отметим одно весьма важное обстоятельство. Так как здесь частные интересы есть вместе с тем и государственные, то обобщение этого положения должно было бы привести к убеждению, что частные интересы могут превращаться в государственные, сфера гражданского общества может порождать государство тогда, когда частные интересы являются интересами обездоленной, нищей, лишенной собственности массы. Более того, К. Маркс придерживается мнения, что «управление существует для страны, а не страна для управления...»²⁴. А страна, поскольку она противопоставляется управлению, и есть сфера гражданского общества. Условия для вывода об определяющей роли гражданского общества по отношению к государству, казалось бы, уже имелись налицо. Тем не менее К. Маркс не делает его в статье «Оправдание мозельского корреспондента». Что препятствует этому? Об этом скажем несколько позже, после того как завершим рассмотрение Марксова анализа, содержащегося в этой статье.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 204.

Итак, частные интересы в данном случае совпадают с действительно всеобщим, государственным интересом. Если интерес административной власти противоположен частному интересу, совпадающему с государственным интересом, то интерес администрации неизбежно представляет собой иллюзорно всеобщий интерес, а на самом деле частный. Каждый представитель администрации тогда на самом деле сводит всеобщий интерес к уровню своего частного интереса, к уровню личного дела. Особые частные интересы бюрократии предстают в качестве всеобщих, государственных интересов. Действительность извращается, и создается особая бюрократическая, иллюзорная действительность. Напротив, чиновнику эта официальная иллюзорная действительность представляется подлинной действительностью, а подлинную действительность он не воспринимает, считает иллюзорной. Для бюрократа всеобщие, государственные интересы оторваны от частных, и государством, целым, всеобщим ему представляется только мир его деятельности, все остальное он считает лишь объектом, не имеющим разумения. Следовательно, бюрократ исходит из представления о всеилии, активности управления и бессилии, пассивности объекта управления.

Управление оторвано от управляемых, от страны. Всеобщий интерес оторван от частных интересов. Уже в силу этого он превращается в особый частный интерес наряду с другими частными интересами. Управление вследствие своего отрыва от управляемых, от страны сводит интересы страны к интересам управляющих как группы и как отдельных личностей. Именно вследствие отрыва всеобщего интереса от частных интересов последние сводятся к первому, выступают как целиком положенные первым. Всеобщее оторвано от частного и выступает как целиком и полностью полагающее частное, отдельное; активно только всеобщее, оторванное от частного, отдельного, а частное, отдельное пассивно, есть лишь объект деятельности иллюзорного всеобщего. Таким образом, отрыв всеобщего от частного, понимание всеобщего как активного, а частного как пассивного, понимание всеобщего как целиком полагающего частное есть методологические положения, соответствующие воззрениям бюрократии.

Какова же позиция К. Маркса по отношению к тому случаю, когда частные интересы являются сугубо частными? В этом случае Маркс фактически исходит из того, что всеобщий интерес, оторванный от частных интересов, должен подавить, подчинить себе эти сугубо частные интересы.

К. Маркс еще отчасти сам стоит на позиции отрыва, не видит происхождения этого отрыва, не видит, что в этом случае не всеобщий интерес, оторванный от частного, подчиняет себе сугубо частные интересы, а, наоборот, сугубо частные интересы с необходимостью подчиняют себе всеобщий интерес, целое, государство. Следовательно, К. Маркс еще не освободился полностью от иллюзии, свойственной бюрократии и разделяемой управляемыми в

стране с бюрократической властью. Не освободился он полностью и от методологических допущений, соответствующих этой иллюзии.

Однако в статье К. Маркса зародыши новой методологии, нового мировоззрения находятся на последней стадии внутриутробного развития. В условиях отрыва всеобщего интереса от частных интересов, государства от гражданского общества на стороне гражданского общества вырастает действительно всеобщий, государственный интерес. Действительно всеобщий интерес для бюрократии представляется сугубо частным, иллюзорно всеобщим, иллюзорно государственным. Напротив, в таком случае интерес бюрократии представляется всеобщим, государственным, хотя на самом деле он является частным интересом бюрократии, иллюзорно всеобщим, иллюзорно государственным.

Тут уже можно выделить в качестве еще неосознаваемой методологической основы зародыши новой методологии: частное, отдельное может превращаться в действительно всеобщее, действительно порождать всеобщее. Бюрократия именно потому, что она существует на почве отрыва всеобщего интереса от частных интересов, государства от гражданского общества, не может признать превращение частных интересов во всеобщие, для нее частные интересы есть только, исключительно, частные.

Если же, как в данном случае, расхождение между иллюзорной бюрократической действительностью и подлинной действительностью становится слишком большим и очевидным, то все противоречашее бюрократической действительности, естественно, представляется бюрократии принадлежащим к сфере гражданского общества. Поэтому вину за бедственное положение бюрократия неизбежно видит в чем-то внешнем для нее. Но если очевидное бедственное положение сохраняется, то это противоречит представлению о всеисилии управления, о частном как простом воплощении всеобщего. Управляющие, оторванные от управляемых, по своей природе, которая обусловлена этим отрывом, неспособны признать превращение частных интересов во всеобщий, государственный интерес, неспособны разрешить коллизию между управлением и частными интересами, ставшими всеобщим государственным интересом, неспособны решить постоянные всеобщие коллизии между управлением и страной, неспособны разрешить противоречие между иллюзорно всеобщим и подлинно всеобщим.

Пока коллизия состоит в столкновении управления, оторванного от управляемых, с сугубо частными интересами, она может быть разрешена. Мы уже говорили, что в трактовке последнего обстоятельства у Маркса отчасти сохраняется иллюзорное представление. Здесь мы добавим следующее: К. Маркс, рассматривая сугубо частные интересы, фактически столкнулся с интересами частной собственности, т. е. частных собственников как круга, противостоящего социально обездоленной массе, а значит, массе, не владеющей собственностью. Но он пока не проводит последовательно различия между частными интересами индивидов и инте-

ресом частной собственности и не учитывает значения такого различия для определения характера разрешения противоречия между государством и сугубо частными интересами.

Итак. В воззрениях К. Маркса по сути дела содержатся следующие допущения. Всеобщее оторвано от частного. Уже в силу своего отрыва от частного всеобщее само выступает как частное и, следовательно, есть иллюзорно всеобщее. Если такое всеобщее противоречит сугубо частному, то тогда всеобщее должно, по мнению Маркса, действительно полагать частное. Если частное такого рода, что оно само превращается во всеобщее, то тогда всеобщее, оторванное от частного, есть иллюзорно всеобщее. Но коллизия между иллюзорно всеобщим и частным, самим ставшим всеобщим, т. е. подлинно всеобщим, не может быть разрешена устранением, подавлением последнего: напротив, именно частное, ставшее всеобщим, должно преобразовать и иллюзорно всеобщее.

К. Маркс — революционер, он выступает за устранение отрыва управления от управляемых. Следовательно, мы можем отсюда сделать вывод, что он, пусть пока и неосознаваемо, против отрыва всеобщего, государственного интереса от частных интересов, отрыва государства от гражданского общества, что он выступает против отрыва всеобщего от частного. А тогда следует сказать, что именно частное должно превращаться во всеобщее, в целое, что государство вырастает на основе гражданского общества. К. Маркс еще не делает таких общих выводов.

К. Маркс, с одной стороны, сознает, что действительно глубокая, постоянная коллизия между управляющими и управляемыми (если управляющие и управляемые оторваны друг от друга и управляющие организованы иерархически) не может быть разрешена сверху. С другой стороны, у него не полностью преодолено противоположное допущение. К. Маркс не выявляет еще до конца причину отрыва бюрократии от гражданского общества. Причину отрыва он отчасти ищет пока в неверной теории, в общем сознании. А поскольку на самом деле причина отрыва лежит глубже и К. Маркс еще не видит ее, то фактически, независимо от субъективных желаний и убеждений, его революционные убеждения таят в себе непоследовательность. Эта непоследовательность состоит в следующем. Причина появления бюрократии, отделения управления от управляемых находится в неверном общем сознании, прежде всего в сознании бюрократов. Это внутренне связано с представлением о всемогуществе бюрократии, о том, что при столкновении сугубо частных интересов с интересами государства бюрократия действительно представляет всеобщий интерес и подчиняет себе частные интересы (а значит, сугубо частные интересы в норме не должны подчинять государство). Очевидно, тогда путь к устранению отрыва управления от управляемых, государства от гражданского общества состоит лишь в просвещении, познании, в разоблачении неверных представлений, а средством просвещения служит свободная народная печать. Такому представлению о бюрократии

противоречит революционность взглядов К. Маркса, которая в этот период, все более углубляется. Идет подготовка перехода к пролетарской революционности. Но пока революционность Маркса остается не до конца последовательной. Это характерно для революционной демократии.

Революционность К. Маркса действительно, углубляется. В неосознаваемом противоречии с допускаемой непоследовательностью К. Маркс, во-первых, утверждает (он это делает не в общем виде, мы же придаем утверждениям К. Маркса форму всеобщности) возможность превращения частных интересов в государственный, т. е. возможность вырастания государства из гражданского общества, определяющую роль страны по отношению к управлению, определяющую роль гражданского общества, поскольку оно превращается в государство, по отношению к государству, которое стало своей собственной частью; во-вторых, отношения между бюрократией и управляемым организмом, а также внутри самого организма управления он считает не только существенными, необходимыми отношениями, но и доказывает, что изнутри бюрократия не может преодолеть присущий ей отрыв от управляемых.

Правда, относительно первого пункта следует напомнить, что случай, когда имеет место отношение государства, оторванного от частного интереса, к сугубо частным интересам не отличается им последовательно от случая, когда относится государство, оторванное от частного интереса, к частным интересам, ставшим сами по себе всеобщим интересом. Более того, там и тогда, где и когда речь идет о необходимости отношения государства и гражданского общества, как таковых, доминирует именно первый случай.

Что касается второго пункта, то сам отрыв управления от управляемых К. Маркс теоретически определяет пока преимущественно с точки зрения того, как он имеется в сознании чиновников и в сознании частных лиц. Ведь враждебность позиции чиновников, управляющих и частных лиц К. Маркс объясняет главным образом тем, что они необходимо убеждены в том-то и том-то, т. е. К. Маркс стремится выявить необходимые, объективные, независимые от воли отдельных лиц духовные отношения. Поэтому основное средство перестройки необходимых, объективных духовных отношений заключается в перестройке общественного сознания, сознания всех, а не того или иного отдельного лица. Отсюда и необходимость в свободной народной печати, которая может встать над крайностями и выяснить истину, разум отношений. С этой точки зрения дело представляется так, будто достаточно истину сделать всеобщим достоянием, чтобы она победила.

К. Маркс не раскрывает противоречия всеобщего и частного интересов внутри сферы гражданского общества, не выводит отрыва государства от гражданского общества из разрыва между всеобщими и частными интересами внутри самого гражданского общества. Противоречие между бедными и богатыми, массой, не владеющей собственностью, и частными собственниками как факт

не составляет для К. Маркса тайны. Но он полагает, что это противоречие—главным образом противоречие политическое, противоречие в сфере государства и права.

Бедственное положение виноделия в примозельском крае К. Маркс считает бедствием экономическим. Не случайно в начале статьи он пишет, что именно экономист намечает средство для уничтожения нужды. Однако сама экономика еще выступает у него в конечном счете как порождение внешней и внутренней политики.

Таким образом, К. Маркс в общем и целом остается на позициях идеализма, старой методологии, но теперь зародыши новой методологии достигли такой ступени, когда им нужно только разбить скорлупу и выйти наружу.

Ближайшая форма проявления сущности (политика, государство) еще выступает в сознании К. Маркса в качестве сущности (определяющей сферы жизни общества), а действительная сущность—в качестве проявления сущности, т. е. в общем и целом подлинное отношение продолжает представляться в перевернутом виде.

Действительная сущность (материальная жизнь общества) сама имеет поверхность, сущность, проявление сущности (так экономическая жизнь капиталистического общества имеет свою поверхность, сущность, проявление сущности...). К. Маркс сталкивается уже со сферой сущности (общества), преимущественно фиксируя ее более или менее *поверхностные* стороны. Частные интересы индивидов — это более поверхностная сторона самой сущности (сущности существующего общества). Разделение на частных собственников и массу, не владеющую частной собственностью,—более глубокое различие в сфере сущности, но все-таки в общем-то поверхностная сторона этой сферы, подобно тому, как в «Капитале» К. Маркса наличие в сфере обращения отношения собственников средств производства и продавцов своей рабочей силы есть все еще поверхность капиталистической экономики, хотя и является отношением более глубоким, чем отношение простых товаровладельцев.

Следовательно, даже там, где К. Маркс сталкивается с действительной сущностью (общества), он воспринимает поверхностные слои этой сферы. Именно такие стороны сущности пока и переворачиваются, выступая в качестве форм проявления. Подчеркиваем: тут нужно иметь в виду, что действительная сущность общества, проявляется, например, в политике, государстве, и в то же время сама эта сущность внутри себя имеет и свою поверхность и свою сущность и свои формы проявления... Говоря здесь о перевернутом воспроизведении в сознании сущности и ее формы проявления, мы имеем в виду первое значение термина «форма проявления».

В качестве сущности, всеобщего, выступает государство, политика, в качестве проявления сущности, частного—сфера гражданского общества. Сущность фактически отождествляется со всеобщим, а проявление сущности с частным. Всеобщее активно,

полагает К. Маркс, оно само себя различает, порождает и отчуждает от себя частное, тем самым оно само превращается в частное, существует наряду с частным, таким образом, всеобщее само становится частным. Всеобщее К. Марксом отождествляется также с разумом, с сознанием. Разум активен, он отчуждает, обособляет и отрывает от себя частное (гражданское общество) как неразумное, противостоящее разуму, отрицательное по отношению к разуму. Так обстоит дело с одной стороной методологии К. Маркса. В действительности мнимая сущность представляется еще целиком полагающей свое явление (которым на самом деле служит поверхностный слой сферы подлинной сущности).

Другая сторона по существу противоречит первой. Частное само из себя порождает всеобщее (частные интересы становятся государственным интересом). Частное, неразумное порождает из себя разум, следовательно, является первичным по отношению к разуму. Неразумное существование само внутри себя имеет закономерные, существенные отношения (закон иерархии, согласно которому высшие доверяют низшим во всем, что касается частных случаев, а низшие слепо доверяют высшим во всем, что касается общего, принципов управления и как те, так и другие, даже не сознавая того, обоюдно вводят друг друга в заблуждение, так как имеют дело с иллюзорной, официальной, а не подлинной действительностью). Следовательно, и в этом отношении неразумное, частное не есть простое отчуждение разума, всеобщего. Из того, что квалифицируется еще как явление, вырастает то, что представляется пока сущностью. Внутри того, что считается явлением, обнаруживаются закономерные, существенные - отношения.

Определяющей стороной противоречия пока оказывается первая. Отношение сторон противоречия таково. Всеобщее обособило, оторвало от себя частное и тем самым превратилось в часть наряду с частным, само стало частным. Разум обособил, оторвал от себя неразумное и тем самым сам стал неразумием наряду с обособленным от него неразумием. Отрыв дан, существует. В условиях отрыва частное само становится всеобщим, а всеобщее, оторванное от частного, иллюзорно всеобщим. То частное, которое само стало всеобщим, подлинно всеобщим, должно устранить иллюзорно всеобщее и преодолеть отрыв всеобщего от частного. Разум, оторвавший от себя неразумное и потому ставший неразумным разумом, есть иллюзорный, мнимый разум. Неразумное, оторванное от разума, само превращается в разум и устраняет мнимый разум и отрыв разума от неразумия. То явление, которое само превращается в сущность, казалось бы, само и должно, устранить сущность, оторванную от явления. Однако К. Маркс вводит внешний к этому процессу элемент (свободная печать) — воплощение всеобщего разума, благодаря которому и преодолевается отрыв, и тем самым он остается на позиции утверждения всеобщего, разума, сущности как целиком полагающих частное, неразумное, явление. Признание

всеобщего, разума как совершенно тождественных друг другу и порождающих из себя частное, неразумное пока еще доминирует, имеется по сути дела во всеобщей, осознанной форме. Признание частного, неразумия как порождающих всеобщее, разумное — это новая, так сказать, бурнорастущая сторона, но она имеется еще в частной, а не во всеобщей форме.

Противоречие между старой методологией и предпосылками, новой методологии достигло ступени противоположности. Противоположность есть такое отношение сторон, когда стороны существуют через исключение друг друга. В отличие от разности стороны выступают не просто безразлично друг другу, а в исключаящем единстве. Следовательно, единство сторон предстает более явно, в более развитом виде, но все-таки пока лишь как единство исключения сторонами друг друга.

В самом деле. К. Маркс, с одной стороны, отвергает отрыв всеобщего от частного, понимание частного всего лишь как воплощения всеобщего, стремится к преодолению отрыва (государственного, всеобщего интереса от частного интереса), т. е. отвергает такое понимание отношения всеобщего и частного, которое специфично для гегелевского идеалистического метода. С другой стороны, К. Маркс не вполне осознает это: прямая критика отрыва всеобщего от частного сочетается в его взглядах с убеждением в истинности сути гегелевского идеализма.

Собственно противоречие старого и нового методологических подходов не выявлено К. Марксом, ибо не осознано в общем виде, что частное, единичное, отдельное (частные интересы) не только могут превращаться во всеобщее, но что такое превращение есть необходимое и определяющее в отношении всеобщего, и частного, отдельного, единичного, в отношении всеобщих и частных интересов.

К. Маркс не осознает противоречия в полной мере и тем более не устраняет его. Но час уже близок!